

Р. В. КИНЖАЛОВ

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ОЛЬМЕКСКОЙ ПРОБЛЕМЫ

На территории атлантического побережья Южной Мексики (современные мексиканские штаты Табаско и Веракрус) находятся многочисленные монументальные памятники изобразительного искусства древних народностей. Атрибуция их и теперь вызывает немалые трудности, а несколько десятков лет назад была вообще невозможной из-за совершенной необследованности этой территории в археологическом отношении. В настоящее время эти памятники принято делить на три большие группы: ольмекскую (или Ла Венты), тахинскую (веракрус классического периода) и тотонакскую. Однако это деление в достаточной степени условно и ни в коем случае не покрывает всего множества археологических культур, развивавшихся в разное время на этой территории. Исследование их, в сущности, только начинается.

Первые памятники, принадлежащие так называемой ольмекской культуре, были обнаружены довольно давно, благодаря случайным находкам крестьян при обработке полей для посевов или лесорубов, забредавших в отдаленные уголки тропических лесов. Первым по времени обнаружения памятником монументальной ольмекской пластики, по-видимому, надо считать большое изваяние человеческой головы, описанное впервые Х. М. Мельгаром в 1869 г. Несколькими годами позже он опубликовал специальное исследование, посвященное этому памятнику, в котором приписывал изготовление его народу ольмеков, по сообщениям испанских хронистов жившему некогда в этой местности¹. Со времени появления в печати второй работы Мельгара (1871) термин «ольмекский» стал применяться ко многим памятникам, найденным в этих областях Мексики.

Следующим этапом в изучении этой культуры была находка в 1902 г. около селения Сан-Андрес-Тустла (штат Веракрус) небольшой нефритовой статуэткой². Она изображает антропоморфное существо с лысой головой и ожиревшим телом; на его плечи накинута короткая накидка типа пелерины; нижняя часть лица закрыта своеобразной полумаской в виде утиного клюва. Статуэтка со всех четырех сторон покрыта иероглифическими надписями; на передней части ее находится дата 8.6.2.4.17.18 Кабан (О Канкин), выраженная «начальной серией» типа майяских и переданная в линейной цифровой системе. Остальные части надписи (восемь столбцов) не расшифрованы и по настоящее время,

¹ J. M. Melgar, *Antigüedades Mexicanas*, «Boletín de la Sociedad Mexicana de Geografía y Estadística», 2 época; Mexico, 1869, т. 1, стр. 292—297; его же, *Estudio sobre la antigüedad y origen de la Cabeza Colosal de tipo etiópico que existe en Hueyapam*, «Boletín de la Sociedad Mexicana de Geografía y Estadística», 2 ep., т. 3, стр. 104—109, Mexico, 1871.

² W. H. Holmes, *On a nephrite statuette from San Andrés Tuxtla, Vera Cruz, Mexico*, «*American Anthropologist*», 1907, нов. сер., т. 9, стр. 691—701.

хотя некоторые знаки имеют определенные аналогии среди майяской иероглифики³.

Статуэтка из Тустлы возбудила большие споры среди исследователей древних культур Мексики. Одни считали ее древнейшим памятником мелкой пластики майя, опираясь на способ записи даты, свойственный только последним; другие относили ее к какой-то еще не известной ученым культуре, указывая, что в археологическом отношении Южная Мексика, и в особенности ее прибрежная часть, почти совершенно не исследована. Дальнейшие события показали правильность взглядов второй группы исследователей: в результате случайных находок и хищнических раскопок кладонискателей стали появляться все новые и новые памятники мелкой пластики, имеющие ряд характерных черт, роднящих их между собой, но совершенно отличных по стилю от произведений искусства других известных исследователям культур доиспанской Мексики.

В 1905—1907 гг. американист Эдуард Зелер, путешествуя с научной целью по Мексике, обнаружил ряд таких памятников⁴. В 1925 г. археолого-этнографическая экспедиция Туланского университета под руководством Ф. Блома и О. Лафаржа, работавшая в малоизученных областях Мексики и Центральной Америки, опубликовала много найденных ею монументальных памятников этой же культуры⁵.

Мексиканский художник и археолог Мигель Коваррубиас во время своих путешествий по Мексике в тридцатых годах текущего века приобрел целый ряд относящихся к той же загадочной культуре статуэток из нефрита, серпентина и других пород камня. Много родственных по стилю предметов находилось и в коллекциях известного мексиканского художника Диего Риверы и американского собирателя Роберта Вудс-Блисса. С увеличением числа найденных памятников выяснилось, что область их распространения (судя по местам находок) далеко выходит за пределы штата Веракрус, где были обнаружены первые памятники. Основная масса их была найдена в мексиканских штатах Веракрус, Табаско, Чиapas, Герреро, Оахака, Морелос и Южная Пуэбла, но отдельные экземпляры были засвидетельствованы и в долинах Мехико, Тoluки, Тлашкалы, а также в Гватемале. В настоящее время северная граница распространения подобных памятников — поселение Эль-Опеньо (на территории штата Мичоакан), где была найдена маленькая ольмекская (или ольмекоидная) фигурка, а южная — поселение Гуанакасте (в Коста-Рике), где была обнаружена прекрасная нефритовая статуэтка крылатого карлика. Обращает на себя внимание, однако, что вне штатов Веракрус и Табаско (о памятниках на тихоокеанском побережье Гватемалы будет сказано ниже) были найдены только небольшие по размерам статуэтки из полудрагоценных камней, которые легко могли быть унесены (как ценности или культовые изображения) довольно далеко от места их происхождения. Поэтому еще до производства археологических раскопок центр этой новой культуры локализовался в названных выше штатах, где впоследствии и были найдены наиболее грандиозные по размерам и значению памятники.

В 1932 г. археолог Дж. К. Вайян, разбирая вопрос о скульптурах из нефрита в доколумбовой Америке, снова присвоил этой группе статуэток название ольмекской⁶. С той поры это название прочно закрепилось

³ Ю. В. Кнорзov, Проблема изучения иероглифической письменности майя, «Вопросы языкознания», 1957, № 5, стр. 73—74.

⁴ C. Seler-Sachs, Altertümer des Kanton Tuxtla im Staate Vera Cruz. «Festschrift Eduard Seler», Stuttgart, 1922, стр. 543—556.

⁵ «Tribes and Temples. A Record of the Expedition to Middle America conducted by the Tulane University of Louisiana in 1925», New Orleans, 1926, т. I, стр. 39—47, 82—90.

⁶ G. C. Vaillant, A pre-columbian jade, «Natural History», 1932, т. 32, стр. 512—520, 556—558.

за новой культурой, хотя уже тогда было достаточно ясно, что исторические ольмеки — «люди страны каучука» по-ацтекски, упоминаемые испанскими источниками, вряд ли могли иметь какое-либо отношение к открытым памятникам.

Предварительная археологическая разведка, проведенная экспедицией Туланского университета в районе нижнего течения р. Папалопан, выявила там интересные памятники⁷. Поэтому в 1938 г. объединенная экспедиция Национального географического общества США и Смитсоновского института под руководством Мэтью В. Стирлинга начала систематические раскопки на территории штатов Веракрус и Табаско, фактически дотоле почти не обследованной в археологическом отношении. Первым раскопанным поселением было Трес Сапотес (близ Тустлы). Раскопки дали много памятников монументальной и мелкой пластики, стилистически совершенно сходных с ранее найденными статуэтками и другими предметами.

Среди памятников монументальной скульптуры особое внимание исследователей привлекла стела «С». На этой стеле с одной стороны была изображена маска в виде стилизованной морды ягуара, с другой — выраженная «начальной серией» дата, написанная линейными цифрами майя (...). 16.6.16.18 (6 Эснаб 1 Уо)⁸. Проведя необходимые расчеты, Стирлинг пришел к выводу, что дата на стеле относится к седьмому циклу майя и восстанавливает первую цифру «начальной серии» как 7⁹.

Столь ранняя дата — 31 год до н. э. — на памятнике из Трес Сапотес вызвала два различных объяснения. Одна группа исследователей во главе с С. Г. Морли и Д. Э. Томпсоном считала, что ольмекские памятники принадлежат какой-то поздней народности, перенявшей хронологическую систему майя, но использовавшую ее как-то иначе. Поэтому их даты, читаемые по системе майя, кажутся относящимися к глубокой древности, хотя в действительности они отражают значительно более поздний период¹⁰. Другая группа, возглавляемая Мигелем Коваррубиасом, полагала, что эти даты свидетельствуют о глубокой древности ольмекской культуры, являвшейся основой всех других культур Мексики и Гватемалы¹¹. В пользу их гипотезы говорили кроме ранее известных масок на вашактунской пирамиде E-VII sub и рельефов «с танцорами» из Монте-Альбан, также и неожиданно обнаруженные ольмекские черты в памятниках Тлатилько — большого некрополя близ г. Мехико, датирующегося так называемым доклассическим периодом (XV—V вв. до н. э.). Спор этот закончился признанием факта, что ольмекская культура одновременно с Мамом, Монте-Альбаном 1, Сикоманом и Сака-тенко.

После Трес Сапотес экспедиция Стирлинга провела исследования в Ла Венте, маленьком местечке у устья реки Тонала, на границе штатов Веракрус и Табаско. Раскопками было обнаружено значительное количество памятников; некоторые из них имели очень большие размеры. Так, были найдены четыре колоссальные каменные головы, несколько алтарей со скульптурными изображениями, остатки сооружений и др.

⁷ A. Weyerstall, Some observations on Indian mounds, idols, and pottery in the lower Papaloapan Basin, State of Vera Cruz, Mexico, «Tulane University, Middle American Research Series», т. 4, New Orleans, 1932, стр. 23—69.

⁸ Верхняя часть памятника сбита, поэтому первая цифра «начальной серии» отсутствует. Показатели дня и месяца восстановлены гипотетически.

⁹ M. W. Stirling, An Initial Series from Tres Zapotes, Vera Cruz, Mexico, «National Geographic Society, Contributed Technical Papers, Mexican Archeology Series», т. 1. № 1, Washington, 1940.

¹⁰ J. E. Thompson, Dating of certain inscriptions of non-Maya origin, «Carnegie Institution of Washington, Division of Historic Research, Theoretical approaches to problems», № 1, Washington, 1941.

¹¹ M. Covarrubias, Origen y desarrollo del estilo artístico «Olmeca», в сб.: «Mayas y Olmecas», Tuxtla Gutiérrez, 1942, стр. 46—49.

Рис. 1. Рельеф на алтаре 5, Ла Вента

Все эти памятники показывают, что Ла Вента, очевидно, являлась одним из наиболее значительных церемониальных центров вновь открытой археологической культуры.

После исследования Ла Венты М. Стирлинг провел раскопки в Серро де лас Месас и Сан Лоренсо. Первое поселение дало поздний (по сравнению с Трес Сапотес и Ла Вентой) материал, по датировке и стилю памятников уже более близкий к культурам Мексики и Гватемалы классического периода. В поселении Сан Лоренсо (восьмая экспедиция, 1946 г.), вероятно, одновременно с культурой Ла Венты, были найдены две колоссальные головы, по размерам превосходившие все найденные до тех пор, и остатки акведука. Кроме этих поселений, экспедицией были обследованы Исапа, Пьедра Парада, Сан Херонимо и др.¹²

После первых результатов экспедиции Стирлинга выяснилось также, что ряд ранее известных археологических памятников, обнаруженных на склонах тихоокеанского побережья Гватемалы¹³, имеет явные переклички с ольмекскими. К ним следует отнести, во-первых, большие каменные головы, найденные в Эль Бауль, Монте Альто и Эль Пальмар; все они изображают голову человека, за исключением стилизованной головы ягуара в Монте Альто¹⁴. Ближайшими параллелями к ним в стилистическом отношении являются головы из Ла Венты, Трес Сапотес

¹² Подробнее о работе экспедиции Стирлинга и обнаруженных ею памятниках см.: Р. Кинжалов, Археологическое изучение Мексики за последние годы (в кн.: Дж. Вайян, История ацтеков, М., 1949, стр. 224—228), где указана и вся литература по ним.

¹³ Fr. Richardson, *Non-Maya Monumental Sculpture*, «Maya and their Neighbors», New York, 1940, стр. 396—397.

¹⁴ Fr. Richardson, Ук. соч., табл. XVIII, С.

Рис. 2. Ольмекская стела в Эль Месон, Центральный Веракрус

и Сан Лоренсо, а к голове ягуара — маски на пирамиде E VII sub в Вашактуне. Вторую группу составляют грубые изображения сидящих с поджатыми ногами человеческих фигур, обычно лишенных одежды и украшений. Эти памятники были обнаружены в Оберо и Монте Альто¹⁵. Наиболее близки к ним из ольмекских памятников монументальные скульптуры из Ла Венты, Вильяэрмосы и произведения мелкой пластики¹⁶.

В произведениях испанских и индейских хронистов (Б. де Саагун, Ф. де Альва Иштлильшочитль, Х. Торкемада, «История тольтека-чичи-

¹⁵ Fr. Richardson, Ук. соч., табл. XVIII, e, e', d.

¹⁶ Р. Кинжалов, Ольмекская статуэтка Эрмитажа, «Сообщения Гос. Эрмитажа». VI, Л., 1954, стр. 30—31.

мека», «Пополь-Вух», «Летопись какчикелей» и др.) встречаются неоднократные упоминания о народе ольмеков. Сведения, имеющиеся в этих хрониках, однако, очень скудны и в значительной степени противоречивы. Одни из авторов считают ольмеков древнейшим населением Мексики, другие связывают их с тольтеками или даже с племенами нахуа. Сильно отличаются друг от друга и данные об их обычаях, внешности, обрядах и т. п. Иногда при чтении текстов создается впечатление, что различные авторы говорят о разных народностях. Но общим и бесспорным в этих сообщениях остается одно: территорией, на которой обитали ольмеки, были штаты Веракрус и Табаско или, даже более узко, район нижнего течения реки Папалоатлан.

Мексиканский историк и этнограф В. Хименес Морено, пытаясь увязать данные письменных источников с результатами раскопок М. Стирлинга, выдвинул гипотезу, согласно которой термин «ольмеки» (так же как термин «тольтеки» для населения долины Мехико) прилагался к целому ряду индейских народностей, сменявших друг друга на южном побережье Мексиканского залива в течение нескольких исторических периодов. В основе этой гипотезы лежит тот неоспоримый факт, что лингвистическая группа майя была разрезана вклинившимися в нее иноязычными народностями. Хименес Морено делит историю «ольмеков» на следующие пять периодов: пре-ольмекский, прото-ольмекский, палео-ольмекский, нео-ольмекский и пост-ольмекский¹⁷.

В первый период (500 гг. до н. э.—300 гг. н. э.) ранние сапотекы и, возможно, какой-то народ лингвистической группы майя (хуастеки?) создали памятники нижнего и среднего слоев Трес Сапотес и Ла Венты. Их следует, по мнению Хименеса Морено, именовать пре-ольмеками. В следующий период (300—600 гг. н. э.) прото-ольмеки, к которым относились тотонаки и соке, создали памятники из ранних слоев Серро де лас Месас. Третий период (600—900 гг.), характеризующийся в археологическом отношении верхними слоями Трес Сапотес и нижним, вторым слоем Серро де лас Месас, имел своими творцами собственно ольмеков, вероятно, масатек и пополоков (из Пуэблы), позже влившихся в языковую группу нахуатль. Нео-ольмеками следующего периода (900—1100 гг.), ольмека-шикаланка хроник были, по мнению Хименеса Морено, миштеки, говорившие на нахуатль, создатели культуры «Миштека-Пуэбла». Их археологическими памятниками являются верхний, первый

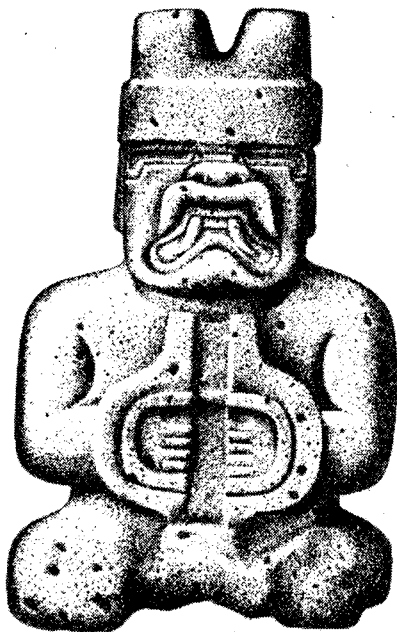

Рис. 3. Статуя божества из Сан Лоренсо, Веракрус

¹⁷ W. Jiménez Moreno, *Relacion entre los Olmecas, los Toltecas, y los Mayas*, в сб.: «Mayas y Olmecas», Tuxtla Gutiérrez, 1942, стр. 19—23; его же, *El enigma de los Olmecas*, «Cuadernos Americanos», Mexico, 1942, т. V, стр. 113—145; M. Covarrubias, *Mexico South*, New York, 1947, стр. 122—124.

Рис. 4. Стела из Альварато, Веракрус

слои Серро де лас Месас и керамика так называемого первого ацтекского периода в Чолуле. Наконец, последний, пятый, период (1100—1520 гг.), характеризуемый верхним вторым слоем Серро де лас Месас и керамикой Исла де лос Сакрифисьос, был создан племенами нахуа, жившими на территории Веракрус, ольмеками Саагуна.

Взгляды В. Хименеса Морено, несомненно, сыграли определенную положительную роль в уяснении древней этнической истории этой части Южной Мексики, однако предлагаемое им отнесение археологического материала к отдельным народностям имеет, конечно, слишком гипотетический характер. Выдвинутая им терминология не укрепилась в научных работах (так же как и предлагавшийся одно время термин «культура Ла Вента»), и вплоть до настоящего времени памятники из Трес Сапотес, Серро де лас Месас, Ла Венты и все другие, родственные им по тематике изображений и стилю, принято называть ольмекскими, несмотря на всю условность этого термина.

Ольмекская проблема, т. е. выяснение того, какой же собственно народ или группа племен создал эту группу памятников, далека еще от своего разрешения. Основная причина этого — недостаточность археологических данных; проведенные раскопки не дали ответа на целый ряд вопросов, прежде всего относительно хронологических рамок новой культуры и соотношения

ее с другими археологическими культурами Мексики и Гватемалы. Обнаружение богатого некрополя в Тлатилько и проведенные там раскопки¹⁸ еще более усложнили проблему. Поэтому было решено еще раз обследовать Ла Венту. Эта задача была выполнена объединенной экспедицией Национального географического общества США, Смитсоновского института и Калифорнийского университета в 1955 г. Результаты ее¹⁹ в значительной степени способствовали если не разрешению, то уточнению поставленных вопросов. Важнейшим из них было, несомненно, получение девяти радиоуглеродных проб, которые дали для Ла Венты даты (беря средние данные в пределах одной сигмы) от 1154 г. до н. э.

¹⁸ M. Covarrubias. Tlatilco: el arte y la cultura preclásica del Valle de Mexico, «Cuadernos Americanos», Mexico, 1950, год 9, т. 51, № 3, стр. 149—162; M. N. Porter, Tlatilco and the Pre-classic cultures of the New World, «Viking Fund. Publications in anthropology», № 19, New York, 1953. См. также указанные в сн. 26 работы Р. Пинья Чан.

¹⁹ Ph. Drucker, R. F. Heizer and R. J. Squier. Excavations at La Venta, Tabasco, 1955, «Smithsonian Institution of Washington, Bureau of American Ethnology», (в дальнейшем — SI, BAE), Bulletin 170, Washington, 1959.

до 604 г. до н. э. Согласно их с археологическими данными, Друкер, Хейцер и Сквайр считают, что Ла Вента существовала около четырех столетий, приблизительно с 800 по 400 г. до н. э.²⁰ Но эти новые даты требуют, естественно, перестройки всей хронологической системы древнейших культур Мексики и Гватемалы, а это пока не удается сделать с достаточной точностью.

Как видно из изложенного, ольмекская проблема еще далека от своего окончательного решения; новые даты, покончив с колебаниями в смысле древности этой культуры, оставили в силе другие вопросы, в частности о генезисе и территории распространения. В настоящее время существуют четыре основные точки зрения на нее. Согласно первой, выдвинутой и горячо отстаивавшейся М. Коваррубиасом, ольмекская культура является древнейшей цивилизацией на территории Северной Америки и предком всех остальных древних культур Мексики и Гватемалы. Коваррубиас отмечал, что местность в штате Герреро вокруг поселений Сумпанго и Сан Херонимо на тихоокеанском побережье (около Акапулько) изобилует памятниками ольмекского стиля. По его мнению, это указывает на существование в древности «ольмекского пояса», тянувшегося через Теуантепекский перешеек от Тихого океана до побережья Мексиканского залива. Далее он считал, что ольмекские памятники из Герреро носят отпечаток архаичности, в то время как вещи с атлантического побережья имеют более развитый и разработанный стиль. Комбинируя этот факт с отсутствием на территории Герреро монументальных памятников ольмекской пластики, столь характерных для Веракрус и Табаско, Коваррубиас приходит к заключению, что тихоокеанский район на территории Герреро является родиной ольмеков. Оттуда они постепенно передвигались в штаты Веракрус и Табаско; Ла Вента стала последним убежищем ольмекской культуры уже в период ее умирания²¹. Взгляды Коваррубиаса могут быть подтверждены лишь результатами основательных раскопок на территории Герреро, а таковых пока нет. Отмеченные же им черты архаичности в памятниках мелкой ольмекской пластики, найденной на тихоокеанском побережье, можно объяснить и тем, что эти вещи являются не произведениями самих ольмеков, а лишь подражанием им. Как известно, опрощение стиля в инородной среде может иметь следствием появление памятников, которые легко принять за архаические или начальные для этого стиля.

Вторая точка зрения была высказана Дж. Э. Томпсоном. Он значительно отошел от своих прежних взглядов, согласно которым ольмекская культура была поздней и захудалой ветвью культуры майя²². В настоящее время он считает, что ольмекская культура была создана хуастеками, двигавшимися к северу, во время их разъединения с остальными народностями лингвистической группы майя (приблизительно на рубеже нашей эры)²³. Однако, по всей видимости, разрыв хуастеков и других майяских народностей произошел значительно ранее, по глоттохронологическим данным не менее чем 3200 лет назад²⁴. Предположе-

²⁰ Ph. Drucker, R. F. Heizer and R. J. Squier, Ук. соч., стр. 260—267; Ph. Drucker, R. F. Heizer and R. J. Squier, Radiocarbon dates from La Venta, Tabasco, «Science», т. 126, № 3263, стр. 72—73.

²¹ M. Covarrubias, *Mezcala, ancient Mexican sculpture*, New York, 1956, стр. 15; его же, *Indian Art of Mexico and Central America*, New York, 1957, гл. II, стр. 50—83.

²² См. указанную в сноске 10 его работу об ольмекских надписях 1941 г.

²³ J. E. S. Thompson, *Relaciones entre Veracruz y la region Maya*. «Revista Mexicana de Estudios Antropológicos», т. 13, № 2, 3, Mexico, 1953, стр. 447—454. Cp. H. B. Nicholson, Native historical traditions of nuclear America and the problem of their archaeological correlation, «American Anthropologist», т. 57, № 3, ч. 1, стр. 554—613.

²⁴ M. Swadesh, The language of the archaeologic Huastecs, «Carnegie Institution of Washington, Notes on Middle American Archaeology and Ethnology», т. 4, Washington, 1953, стр. 223—227; его же, Time depths of American linguistic groupings, «American Anthropologist», т. 56, № 3, стр. 361—364.

ние Томпсона о тесных генетических отношениях между ольмеками и хуастеками не находит себе подтверждения в новых археологических данных. Вопрос же о связи всей культуры майя и ольмеков в сущности равнозначен проблеме связей между культурой ольмеков и другими культурами Мексики (Тлатилько, сапотекы Монте Альбана I и др.) и должен решаться комплексно с другими.

Следующая точка зрения представлена в работах Р. Пинья Чана, заинтересовавшегося ольмекской проблемой в связи с его раскопками в Тлатилько и Чалькацинго. Он указывает, что самые ранние, по археологическим данным, ольмекские памятники найдены на территории штата Морелос. Поэтому древнейший центр ольмекской культуры, по его мнению, находился где-то на стыке территорий штатов Пуэбла, Морелос и Герреро. В штате Морелос эти свидетельства раннего бытования ольмекской культуры обнаруживаются в поселениях Чалькацинго, Атлихуайан, Эль Кортес, Гуалупита, Тлайакопан и Олентек²⁵. Из этого гнезда и вышли, по мнению Р. Пинья Чана, ольмекские влияния на долину Мехико, следы которых обнаруживаются сперва в южной части бассейна (например, Тлапакоя), а позже переходят в западную его часть — Тлатилько. Это распространение ольмекской культуры в долине Мехико происходило в 900—850 гг. до н. э. — 500—450 гг. до н. э. В то же самое время ольмеки движутся и в других направлениях — Оахаку (Монте Альбан I), Веракрус (нижний слой Трес Сапотес, периоды «павон» и «агиляр» Пануко). Затем в силу каких-то неясных причин ольмеки покидают старые области обитания и обосновываются в прибрежной части Веракрус и Табаско, где доживают до классического периода²⁶.

Наконец, Ф. Друкер, к которому впоследствии присоединились многие другие исследователи, считает, что первоначальный центр ольмекской культуры находился где-то в прибрежных областях Веракрус или Табаско²⁷. Друкер в своей последней работе по Ла Венте полагает, что этот центр следует искать в районе между Лагуна дель Кармен и устьем реки Папалопан²⁸. Но эта местность, к сожалению, почти еще не обследована. Для дальнейшего уяснения ольмекской проблемы, кроме изучения данного района, совершенно необходимы большие и тщательные раскопки на территории Герреро и Морелоса в пунктах, указанных М. Коваррубиасом и Р. Пинья Чаном. Возможно, что многое выяснится после завершения начатых недавно исследований в Чиапа де Корсо. Только после сопоставления всех полученных материалов можно будет с достаточной объективностью установить, какая из всех высказанных гипотез оказалась ближе к истине.

Однако и сейчас наличные материалы позволяют углубить изучение отдельных аспектов ольмекской проблемы и по-новому поставить некоторые вопросы методики ее исследования. К числу вопросов, разработка которых весьма актуальна в этой связи, можно отнести:

²⁵ Следует отметить, что археологические материалы из этих поселений почти не опубликованы и определить их взаимоотношения и связи очень трудно.

²⁶ R. Piña Chán, Tlatilco y la cultura preclásica del valle de México, «Anales del Instituto Nacional de Antropología e Historia», 1949—1950, т. IV, стр. 33—34; его же, Chalcatzingo, Morelos, «Dirección de Monumentos Pre-Hispanicos», Informes № 4, Mexico, 1955, стр. 26—27; его же, Las culturas preclásicas de la cuenca de México, Fondo de Cultura Economica, Mexico, 1955, стр. 106—107.

²⁷ Ph. Drucker and Ed. Contreras, Site patterns in the eastern part of Olmec territory, «Journal of Washington Academy of Sciences», Washington, 1953, т. 43, стр. 389—396; Ph. Drucker, Venta, Tabasco: A Study of Olmec ceramics and art, SI, BAE, Bulletin 153, Washington, 1952, стр. 228; W. T. Sanders, Review of «La Venta, Tabasco» by Ph. Drucker, «American Antiquity», Salt Lake City, 1956, т. 21, стр. 436—437; M. D. Coe, Cycle 7 monuments in Middle America: A reconsideration, «American Anthropologist», т. 59, стр. 597—611.

²⁸ Ph. Drucker, R. F. Heizer and R. J. Squier, Excavations at La Venta, Tabasco, 1955, SI, BAE, Bulletin 170, Washington, 1959, стр. 257.

1. Выяснение социального строя ольмекского общества. Решающее слово принадлежит здесь письменным памятникам, но изучение их, в противоположность иероглифической письменности майя, совершенно оставлено. Кроме упомянутых выше (см. сноски 2 и 10) старых работ У. Холмса и Дж. Э. Томпсона, никаких исследований по ольмекской письменности пока не появлялось. Между тем, сопоставление сведений, почерпнутых из надписей, с изображениями на стелах позволило бы значительно расширить наши представления об ольмекском обществе. Появившиеся недавно работы Р. Хейцера по этому вопросу, к сожалению, не дали чего-либо существенно нового.

2. Привлечение для решения ольмекской проблемы имеющихся антропологических данных, используемых сейчас совершенно недостаточно. Исследование остеологического материала только начинается²⁹. Несмотря на то, что учеными неоднократно отмечалось сходство ряда изображений на ольмекских памятниках с современными антропологическими типами индейского населения побережья Мексиканского залива, научное сопоставление их еще не производилось. Между тем, можно с уверенностью предполагать, например, что антропологический тип индейцев соке совпадает с ольмекскими «колоссальными головами».

3. Сравнительный материал, почерпнутый из других, более изученных древнеиндейских обществ, а также этнографические данные могут принести значительную пользу в истолковании образов ольмекской мифологии. Уже теперь очевидно, что некоторые религиозные символы, созданные в ольмекском обществе, продолжали жить среди народов Мексики и Гватемалы до испанского завоевания. Думается, что совпадение формы маски на лице статуэтки из Тустлы с обычным атрибутом ацтекского Кецалькоатля — Эка́тля позволяет толковать эту статуэтку как изображение бога ветра. Примеры подобных совпадений легко могут быть умножены. Очень интересной была попытка М. Коваррубиа-са сопоставить некоторые изображения на ольмекских памятниках с образами индейского фольклора современного населения Южной Мексики³⁰. К сожалению, после его смерти эти исследования не были продолжены.

4. Следует путем тщательного стилистического анализа выяснить, какие памятники монументальной и мелкой пластики принадлежат действительно ольмекам, а какие являются лишь подражанием первым. До сих пор мнения разных исследователей по этому вопросу сильно расходятся. Кроме того, заслуживает специального исследования и пока еще не затронутый вопрос о функциональном назначении памятников монументальной ольмекской пластики.

SUMMARY

The present article gives a review of the main hypotheses current in our day, on the origin and dating of the monuments of Olmec sculpture. The author notes that due to the scarcity of archeological material and our poor knowledge of several areas in Mexico where the centres of ancient Olmec culture are to be sought, the hypotheses advanced are still far from providing a final solution of the Olmec problem.

The author stresses that to achieve a solution of this problem, it is vastly important to resume studies of the relics of Olmec writing, to draw on anthropological material, to compare the images depicted on Olmec relics with the mythological images of other ancient Indian cultures and with ethnographic data, and also to determine on the basis of a thorough stylistic analysis which of these are genuine Olmec works.

²⁹ J. Comas, Osteométrica Olmeca: informe preliminar sobre los restos hallados en Cerro de las Mesas, Estado de Vera Cruz, Mexico, «Anales del Instituto de Etnografía Americana», Universidad de Cuyo, Mendoza, VI (1945), стр. 169—208; E. Dávalos Hurtado, J. M. Ortiz de Zárate. La plástica indígena y la patología, «Revista Mexicana de Estudios Antropológicos», т. 13, № 2—3, стр. 95—104.

³⁰ M. Covarrubias, Indian Art of Mexico and Central America, New York, 1957, стр. 57—58.